

ЗАЗНОБИН А. Н. — в ПОМПОЛИТ

ЗАЗНОБИН Александр Николаевич, родился в 1885 в Симбирске. Окончил юнкерское училище, служил в русской императорской армии, в 1914 — на фронте поручиком, попал в плен, провел в лагере военнопленных в Германии четыре года. В 1918 — после возвращения из плена вступил в ряды Красной армии, служил в Симбирском военном комиссариате, в 1919 — воевал на юго-западном фронте, помощник начальника штаба 174-й стрелковой бригады. В 1920 — после демобилизации проживал в Ульяновске, работал на ответственных должностях в советских учреждениях. 9 января 1931 — арестован и заключен в тюрьму¹. 18 июля приговорен «за антисоветскую агитацию» к 3 годам ИТЛ². В ноябре 1931 — обратился за помощью в Помполит.

<5 ноября 1931>

«В Пешковский Комитет по оказанию помощи
политическим заключенным (г<ород> Москва)

Следственно-заключенного в Ульяновском
Дом<е> зак<лючения> гр<ажданина>
Зазнобина Александра Николаевича

Заявление

Процесс Промышленной партии вызвал напряженную работу органов ГПУ на местах. Вероятной жертвой этой работы явился и я, будучи арестован, вместе с другими, 9 января 1931 г<ода>. 3 февраля мне предъявили обвинение по ст<атье> 58-10 УК, а с 1 апреля это дело передано в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ. Между прочим, решение по нему мне неизвестно, и я вообще не знаю, решено ли оно. 29 июля мне предъявили новое обвинение по ст<атье> 58-11 УК, а в сентябре меня известили, что и второе дело перечислено за Особое Совещание при Коллегии ОГПУ.

Не зная за собой абсолютно никаких преступлений, я категорически отверг возводимые против меня обвинения и настойчиво просил указать мне: где, когда, при каких обстоятельствах и в чем именно выразились, как моя агитация против Советской власти, так и мое участие в организации, поставившей себе целью свергнуть ее посредством вооруженного восстания.

К сожалению, ни одного буквально конкретного случая мне не привели и не дали ни с кем личной ставки. На мои же настояния добиться того и другого следователь Емельянов заявил, что он этого дела не ведет, ничего по нему не знает и выполняет только поручение старшего следователя Волкова в части сбора автобиографических сведений и сведений о круге знакомых. Таким образом, я был лишен возможности защитить себя.

Итоги такого метода ведения следствия по обоим моим делам и самый темп прохождения их очевиден:

1) Я живу в невыразимо тяжелых условиях строгой изоляции десять месяцев, не будучи в состоянии сам под страхом расстрела объяснить, за что именно нахожусь в заключении.

2) Два дела какими-то материалами, содержание которых скрыто от меня, направлены в Особое Совещание при коллегии ОГПУ с

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 621. С. 118.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

несомненной целью добиться наказания, а я, обвиняемый, не мог получить в течение целых десяти месяцев возможности сказать в защиту себя положительно ни одного слова.

И это сделано тогда, когда даже величайший преступник против Советской власти Рамзин, уличенный в своих деяниях, сознавшийся в них, открыто перед всем миром пользовался широким правом защищаться.

Неумолимая логика подсказывает, что в задаче органов ГПУ входит выявление истинных преступников против Советской власти. Лично мне на себе приходится убеждаться, что для сиденья на протяжении многих месяцев в Дом<е> зак<лючения> нужна только принадлежность в прошлом к корпусу офицеров старой армии, а безукоризненно честная служба пролетарскому государству не только не ценится, но даже не считается.

Всем известны условия содержания в Дом<е> зак<лючения> и вытекающие отсюда последствия: прекращение жалования, утрата трудового стажа, подрыв здоровья, нравственные и физические страдания заключенных и всевозможные страдания их семей.

Анализируя свое положение, невольно задаешь себе вопрос, кому и для какой цели нужны эти мероприятия по отношению к совершенно невиновным людям?

Как всякие отрицательные явления, они, конечно, Советской власти не нужны, ибо ничего, кроме вреда, принести не могут. Но, видимо, они нужны отдельным людям, стремящимся при проведении тех или иных директив партии создать фальшивый эффект «достижений» и таким способом пробить себе путь к карьере. Иначе трудно объяснить искусственное создание дел, привлечение к ним лиц, которым даже во сне не грезились возводимые против них обвинения, подтягивание людей к голым статьям Уголовного Кодекса, а не статей к установленным преступникам, и маринование этих людей в стенах Домов заключения на протяжении десяти и более месяцев.

Дабы не быть голословным, укажу на прискорбный факт, который свил себе гнездо на родине «Ильича»: в середине сентября 1931 г<ода> был собран, обработан и послан одним из заключенных Полномочному Представительству ОГПУ в Самаре, члену Коллегии ОГПУ гр<ажданину> Ягоде и Помощнику прокурора Верховного Суда по надзору за органами ОГПУ материал, разоблачивший фиктивные выводы по нашему делу (по делу Мироновича, Урбановича, Семина и других в числе 47 человек). Если бы автор такого смелого до дерзости послания был не прав в своей критике чрезмерно «усердной» деятельности отдельных сотрудников Ульяновского ГПУ, то он долго не вырвался бы из заточения. Однако, власть имущие предпочли 8 октября освободить его. Следовательно, идейные защитники Советской власти по ознакомлению с материалом (расписка в получении ими этого материала имеется) не обиделись на горькую правду, отлично сознавая, что она может принести делу пролетариата одну только неоспоримую пользу.

Сообщая Вам о печальном эпизоде своей жизни, прошу:

1) базируясь на материале, посланном П<олномочному> П<редставителю> ОГПУ в Самаре, Члену Коллегии ОГПУ гр<ажданину> Ягоде и Помощн<ику> прокурора Верховного Суда по надзору за органами ОГПУ, добиться пересмотра дела и предания перечисленных в нем лиц гласному суду, а в частности, предъявления мне конкретных случаев обвинения и дачи личных ставок;

2) добиться наискорейшего решения дел;

3) поставить вопрос в соответствующих организациях о недопустимости содержания в Домах заключения по десяти и более месяцев лиц, без предъявления им конкретных фактов обвинения.

В заключение считаю необходимым остановить Ваше внимание на данных моей автобиографии.

Нерадостное детство в семье матери-портнихи, содержавшей своих детей на медные гроши, упорный труд, при помощи которого пробил себе дорогу учением на казенный счет в юнкерском училище, скромное положение поручика в старой армии, четырехгодичный плен в Германии, добровольная двухлетняя служба в Красной армии (у белых не был) и лихорадочная работа в ряде крупных Советских учреждений на ответственных должностях в течении десяти лет — вот этапы моей жизни, красноречиво говорящие за то, что я не мог оказаться в лагере врагов Советской власти. Свое лояльное отношение к ней я готов подтвердить документально (по первому Вашему требованию) весьма лестными обо мне отзывами. Особенно обращает на себя внимание рекомендация, выданная Симбирским Уездным Военным Комиссариатом, где я провел 46 мобилизаций в трудные для молодой РСФСР годы.

Командир запаса Красной армии (бывший Помощник Начальника Штаба 174 Стрелковой бригады, действовавшей на юго-западном фронте против Польши)

А. Зазнобин.

5 ноября 1936 г<ода>, г<ород> Ульяновск»³.

В середине ноября 1931 — Александр Николаевич Зазнобин был отправлен в лагерь, в январе 1934 — был освобожден и вернулся в Ульяновск. В середине 1930-х — находился в Куйбышевской области. В 1937 — арестован, 30 декабря приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁴.

---

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 800. С. 64-67. Автограф.

⁴ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.